

УДК 93/94

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ВОЕННОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1941-1943 гг.)

Н.И. Пузевич*, канд. ист. наук,
Н.Н. Волкова, соискатель
БрГУ, Братск

Статья посвящена проблеме трудовых ресурсов Восточной Сибири в период военной перестройки промышленности (1941-1943 гг.). Анализируется положение с рабочими кадрами в Красноярском крае, Иркутской и Читинской областях, Бурятской и Якутской АССР. Рассматриваются чрезвычайные источники пополнения отраслей промышленности трудовыми ресурсами.

Ключевые слова: военная перестройка промышленности, трудовые ресурсы, мобилизация, эвакуация, принудительный труд, спецпереселенцы.

В ходе начавшейся Великой Отечественной войны развертывание военного производства, перестройка промышленности, капитальное строительство, эвакуация и размещение многих предприятий в тыловых регионах страны сопровождались мобилизацией и перераспределением трудовых ресурсов. Проблема кадров приобрела особую актуальность. Призыв в армию, вынужденное выключение из производственной сферы населения, оказавшегося на оккупированной территории, привели к резкому сокращению численности рабочих и служащих с 31,5 млн. человек к началу 1941 г. до 18,5 млн. к его концу [1]. Были оторваны от мирного труда большие массы людей, только в августе 1941 г. фронт получил 500 тыс. бойцов. Это было, как правило, трудоспособное население, занятое до войны в промышленности и сельском хозяйстве.

В Красноярском крае с 22 июня по декабрь 1941 г. было мобилизовано в армию 158257 человек [2]. В Иркутской и Читинской областях, Бурятской и Якутской АССР за время войны на фронт ушли свыше 206 тыс. человек [3]. По сравнению с 1939 г. численность населения Читинской области к апрелю 1943 г. сократилось на 184 тыс. человек [4]. Большие потери в кадрах понесла промышленность, только в

Красноярском крае из 12646 производственных рабочих с 22 июня по 10 октября 1941 г. было призвано в армию 3798 человек, кроме того, 1064 руководящих работника промышленности [5]. В 1942 г. на 10 тыс. и 11,5 тыс. сократилась численность рабочих соответственно в промышленности и строительстве [6]. По сравнению с 1940 г. к 1 февраля 1943 г. общая численность рабочих и служащих Восточной Сибири уменьшилась примерно на 275 тыс., в том числе в промышленности – на 88,5 тыс., в строительстве – почти на 18 тыс.

Тенденция к сокращению численности рабочих кадров проявилась в первый военный год. В октябре 1941 г. число рабочих и служащих уменьшилось по сравнению с началом июня на 254,6 тыс., или на 27 % [7]. Еще до войны Восточно-Сибирский регион остро нуждался в промышленных кадрах, особенно в квалифицированных рабочих. В первый период Великой Отечественной войны эта проблема еще больше обострилась, что поставило все без исключения отрасли промышленности в тяжелейшие условия. Так, если в Иркутской области в 1940 г. промышленно-производственный персонал составлял 276 тыс. человек, то в 1942 г. – 124842, т. е. уменьшился более чем наполовину [8].

Особенно ощутимой оказалась убыль рабочих и служащих в основных индуст-

* - автор, с которым следует вести переписку

риальных отраслях. Например, цветная промышленность в Читинской области была обеспечена в 1942 г. кадрами только на 82 % [9]. Недостаток рабочих на Улан-Удэнском паровозо-вагоноремонтном заводе (ПВРЗ) в феврале 1942 г. привел к тому, что простаивало 15-20 % дефицитных токарных станков. На шахтах, других предприятиях треста «Востсибуголь» в 1942 г. работало 6303 человека вместо необходимых 7186, т. е. всего 87,7 % [10]. В тресте «Лензолото» в 1942 г. обеспеченность кадрами составляла 68,2 % [11]. Такое положение было характерно для всей Восточной Сибири.

Проблема обеспечения промышленности рабочими кадрами находилась в центре внимания партийных, государственных и хозяйственных органов с первых дней войны и являлась важнейшей задачей в течение всего военного периода. 26 июня 1941 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» [12]. В целях обеспечения выполнения производственных заданий, связанных с потребностями фронта, директорам предприятий предоставлялось право устанавливать для всех или части рабочих и служащих обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день. Предусматривалась их оплата в полуторном размере. К тому же, Указ отменял очередные и дополнительные отпуска, заменив их денежной компенсацией. Введение сверхурочных работ было равносильно получению дополнительных 376 тыс. квалифицированных рабочих [13].

Другой чрезвычайной мерой было перераспределение кадров между отдельными отраслями экономики и крупными территориальными комплексами. При Бюро Совета Народных Комиссаров СССР 30 июня 1941 г. был образован Комитет по распределению рабочей силы, позднее – Комитет по учету и распределению рабочей силы под председательством П.Г. Москатова, возглавлявшего Главное управление трудовых резервов. При краевых и областных исполнительных

комитетах создавались бюро по учету и распределению рабочей силы. Эти органы вели учет всего населения, выявляли квалифицированные кадры в непродуцированных сферах, перераспределяли кадры между отраслями и предприятиями. Решая проблему кадров для промышленности, партийные, государственные органы применяли и ранее сложившиеся источники пополнения: сельские жители, неработающее население городов и рабочих поселков, учащиеся, студенты, демобилизованные, заключенные ГУЛАГа, а также новые источники, характерные только для военного периода: инвалиды войны, эвакуированное население, прибывшие по оргнабору и по мобилизации с других территорий, спецпереселенцы.

В военное время применялись специфические формы и методы мобилизации трудовых ресурсов. Зачастую они были, несомненно, жесткими, но в некоторой степени оправданными, т. к. полностью соответствовали напряженной военной обстановке. Например, своеобразными формами пополнения рабочего класса были мобилизация сельского населения на лесозаготовки, создание из военнообязанных, не подлежащих по той или иной причине призыву в армию, так называемых строительных батальонов и рабочих колонн. Методы обеспечения промышленности рабочими кадрами были, как правило, принудительными, основным средством являлась мобилизация.

Для обеспечения трудовыми ресурсами важнейших предприятий истроек военной промышленности, других отраслей народного хозяйства, работающих в интересах обороны, было признано необходимым мобилизовать неработающее трудоспособное городское население – мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет [14]. В Красноярском крае на постоянную работу в промышленность, в школы и училища трудовых резервов с 1942 г. было мобилизовано 32,7 тыс. человек, в Читинской области в 1942 г. и первом квартале 1943 г. – 20543, а в целом по Восточной Сибири – около 100

тыс. человек [15]. Мобилизованные, как правило, работали в своей области, но нередко переводились в другие районы, где в них ощущалась острая потребность. Так, в Черембасс прибыли из Казахстана и Узбекистана в 1942 г. 2527 мобилизованных [16].

В первые месяцы войны в промышленность, строительство, на транспорт начали привлекаться женщины, подростки и пенсионеры. Основную массу составляли женщины-домохозяйки и женщины-служащие. Роль женщины в общественном производстве стала резко возрастать. Она превратилась в главную фигуру военной экономики. Известный историк Г.А. Докучаев приводит обобщенные данные об участии женщин в производстве, в том числе и Восточной Сибири, в годы войны. В отличие от предшествующих исследователей: Ю.А. Васильева, М.Р. Акулова, М.Г. Леонтьевой, И.М. Кураевой и др., он использует не отрывочные данные, а впервые вводит в научный оборот динамические ряды численности женщин по районам Сибири и отраслям промышленности.

В целом по Восточной Сибири количество женщин среди рабочих и служащих с октября 1941 г. по 1943 г. выросло почти на 8 %, а в промышленности – на 13 %. К концу 1942 г. женщины составляли уже более 52 % рабочих и служащих. Внутри Восточно-Сибирского региона по использованию женского труда выделялись Красноярский край и Иркутская область. Однако в материалах Г.А. Докучаева отсутствуют сведения по периоду с начала войны до октября 1941 г. «Между тем, – как считает иркутский историк И.И. Кузнецов, – это время характеризовалось массовым притоком женщин на производство» [17]. В первую очередь был использован такой резерв, как женщины-домохозяйки. Для вновь пришедших на производство создавались всевозможные курсы, технические школы по скорейшему овладению производственными специальностями. Многие осваивали новые профессии непосредственно у станка, под руководством опытных мастеров, через

систему индивидуального ученичества. В роли бригадиров-инструкторов зачастую выступали сами женщины, ранее работавшие на предприятиях.

Местные органы власти всячески способствовали тому, чтобы дать максимальную возможность вчерашним женщинам-домохозяйкам, а сегодняшним производственницам, получить первоначальные трудовые навыки или устроиться на работу. Для этого, в частности, предпринимались меры по расширению сети детских и бытовых учреждений. Только в Черембассе в начале войны открылись 12 детских садов с охватом 890-895 детей горняков и 17 детских яслей, ежедневно принимавших 860-870 детей.

Приток женщин на производство принял массовый характер, особенно в первый период войны. На крупные предприятия Иркутска, Черемхово, Усолья в 1941-1942 гг. пришли работать 26 тыс. женщин. В Читинской области к декабрю 1941 г. на работу была принята 13831 женщина. К июлю 1942 г. только 11 предприятий Бурятии пополнились 7650 работницами, что составляло 90 % всех принятых на работу. На предприятия Красноярска к февралю 1942 г. пришли 2317 женщин. Удельный вес женщин среди рабочих предприятий тяжелого машиностроения достиг 42,8 %. По отдельным заводам он был выше. Так, на Улан-Удэнском ПВРЗ в 1942 г. женщины составляли более 50 %, на заводе им. В.В. Куйбышева – 50,8 % (18). Труд женщин стал применяться в горячих цехах металлургического производства, где до войны они, как правило, не работали. На Петровск-Забайкальском металлургическом заводе женщины составляли к середине 1942 г. до 55 % всех работающих. В металлообрабатывающей отрасли Бурятии в 1940 г. женщины составляли 20,1 %, в 1941 г. – 23,6 %, а в 1942 г. – 35,2 %.

Возросла численность женщин-работниц в угольной промышленности. Если на основных предприятиях Черембасса до войны трудилось 2360 женщин, то к июлю 1942 г. – 4934. На Черновских копях Читинской области в первый период войны женщины составляли 42 %. На

Черногорских шахтах была аналогичная картина. Например, на шахте № 3 из 598 шахтеров – 287 женщин, из них на подземных работах – 227. Женщины стали решающей силой в горной промышленности. На золотодобывающих предприятиях треста «Лензолото» Иркутской области удельный вес женщин увеличился с 19,3 % в 1941 г. до 40,7 % в октябре 1942 г. [19]. В горную промышленность Читинской области к декабрю 1941 г. было вовлечено четыре тыс. женщин, а к июню 1942 г. они составляли 75 % всех работающих [20]. К июлю 1942 г. на Хапчеганском комбинате было 50 % женщин, в трестах «Балейзолото» – 41 %, «Забзолото» – 60 % [21]. В слюдяной промышленности Иркутской области на 1 октября 1941 г. среди рабочих предприятий было 58 % женщин, к концу 1942 г. их удельный вес достиг 75 % [22].

Даже в такой трудоемкой отрасли промышленности, как лесная, стал широко применяться женский труд. К декабрю 1941 г. на предприятиях «Читалес» из двух тыс. рабочих было 780 женщин [23].

Но не только количественный рост женского труда показателен для промышленности на этапе ее военной перестройки. Еще более характерны качественные изменения в использовании женщин на производстве. Они стали работать на самых сложных участках. На Иркутском заводе тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева работница ремонтно-механического цеха Валентина Зенкова овладела специальностями токаря, строгальщика, долбежника и выполняла норму на 200 %. Высокопроизводительно трудились Нина Никулина, овладевшая специальностями паромашиниста и кузнеца, Зинаида Скоднякова, которая освоила профессии формовщицы и щипальщицы [24]. На Красноярской обувной фабрике «Спартак» Мария Белошевская в короткие сроки освоила профессию винтовщицы и стала систематически выполнять по полторы-две производственные нормы. Здесь же затыжница Валентина Иванова, недавно пришедшая на предприятие, выполняла норму на 120 %.

Отлично освоила новую профессию токаря по фарфору и выполняла свыше трех норм работница массово-заготовительного цеха Красноярского фарфорового завода Зинаида Куприянова [25].

Немало женщин освоили нелегкие мужские профессии в угольной промышленности. До войны на подземных работах женский труд почти не использовался, но с первых дней военной перестройки промышленности тысячи женщин стали забойщиками, навалоотбойщиками, проходчиками. Одними из первых на шахте им. С.М. Кирова в Черембассе спустились в забой подружки Лиза Татаринцева и Ева Рузга. На второй месяц работы они стали неплохими забойщиками. 29 мая 1942 г. Татаринцева и Рузга установили рекорд производительности труда для женщин-шахтеров, выполнив по четыре нормы каждая. В июне того же года они перекрыли свой рекорд, выполнив за смену норму девяти забойщиков. Их примеру последовали забойщицы М. Гамаюнова, Т. Велик, Н. Звягинцева, навалоотбойщицы П. Усикова, С. Калиниченко и др., выполнявшие нормы на 130-280 % [26]. Надежда Зинкевич раньше работала продавцом, а в начале войны стала машинистом врубовой машины на шахте «Владимир», производственную норму ежедневно выполняла на 120-150 %. Пошла в забой и бывшая породоотборщица шахты им. С.М. Кирова, мать троих детей Г.З. Модорисова. За высокие показатели в труде в апреле 1942 г. она была награждена медалью «За трудовое отличие». На прииске «Целик» Усть-Карского района мониторщиками, забойщиками стали работать 26 женщин. Забойщицы Пелагея Декина, Софья Плотникова, бурильщица Мария Костенко выполняли норму на 150 %. Анна Сушко, работая навалоотбойщиком на шахте в Черногорске, выполняла по пять норм.

В 1943 г. процесс изменения в качественном составе рабочих продолжился, по-прежнему росла доля женского труда. Численность женщин среди рабочих и служащих к февралю 1943 г. выросла в целом по Восточной Сибири на 11,7 %, в

том числе в Красноярском крае, Иркутской области и Бурятии – от 12,2 до 15,5 % [25]. Еще заметнее был рост женского труда в промышленности – на 12-22 %, особенно в Иркутской области и Красноярском крае, а в целом по Восточной Сибири – на 18,4 % (по Западной Сибири всего на 7,4 %). Этот рост в Восточной Сибири шел интенсивнее, чем в других регионах. К концу 1943 г. удельный вес женщин в промышленности вырос с 41 до 51 %, в строительстве – с 23 до 32 % [26]. В годы военной перестройки промышленности, ввиду мобилизации мужчин-рабочих в действующую армию, расширился перечень профессий и производственных должностей, занимаемых женщинами. Они становились шахтерами, горными мастерами, токарями, слесарями, машинистами, грузчиками, судоводителями, матросами, вальщиками леса, бригадирами неводных бригад, бурильщиками и т. д. В годы суровых испытаний для Отечества женщины проявили большое мужество, выносливость и выполняли многие важные задания фронта в тылу.

Значительным, постоянно действующим источником обеспечения промышленности квалифицированными кадрами продолжала оставаться созданная в предвоенный период система государственных трудовых резервов.

Существенный вклад в достижение победы над врагом внесли учащиеся школ и училищ трудовых резервов Красноярского края, Читинской области, Бурятии, Якутии. Многие из выпускников школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ стали настоящими мастерами своего дела, передовиками производства. Например, в Читинской области Виктор Сафронов в 1943 г. окончил ремесленное училище и стал работать сталеваром на Петровск-Забайкальском металлургическом заводе. Вскоре он первым на заводе начал выполнять скоростные плавки, возглавил бригаду, которая стала одной из лучших на предприятии. Из стали, выплавленной рабочими бригады В. Сафронова в 1944 г., можно было построить 731 тяжелый танк [27].

Специфической формой пополнения рабочего класса Восточной Сибири было создание строительных батальонов и колонн, которые широко использовались на строительных площадках. Например, только в Красноярском крае работало 15 строительных батальонов, насчитывавших в своем составе 1314 человек [30]. 14 батальонов дислоцировались в Красноярском крае и один – в Хакасии. В краевом центре батальоны были разделены по пяти строительным объектам: шесть батальонов (№ 1622, 1623, 1624, 1625, 1364, 1386) входили в состав ОСМЧ-26 и занимались строительством оборонного завода № 580, общая численность личного состава в них составляла 6565 человек. Красноярский артиллерийский завод № 4 им. К.Е. Ворошилова располагал тремя батальонами (№ 721, 722, 723), имеющими в своем составе 3025 человек. На строительной площадке районной ТЭЦ работали два батальона по 763 человека каждый. Один батальон занимался строительством цементного завода, имел 763 человека. Все эти подразделения формировались в Красноярском крае и Казахстане из сельского населения. В начале декабря 1941 г. на строительство районной ТЭЦ в Красноярск прибыли еще два батальона – № 1329 и 1332, в которых насчитывалось 1500 человек. Личный состав состоял из мобилизованных сельских граждан Красноярского края, не имевших, в своем подавляющем большинстве, строительных специальностей. Мобилизованные сводились в строительные роты и бригады, проводилось их медицинское освидетельствование, выполнялись другие мероприятия [28].

Строительные колонны использовались на важнейших объектах Красноярского края, Иркутской и Читинской областей, Бурятии. Например, именно строительным колоннам обязан быстрым расширением своих производственных площадей в 1942-1944 гг. Иркутский завод тяжелого машиностроения им. В.В. Куйбышева.

Особым, постоянным источником обеспечения многих отраслей промышленности и строительства трудовыми ре-

курсами являлась широко разветвленная, хорошо организованная сеть исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД СССР. В Восточной Сибири к началу войны, по нашим подсчетам, действовало девять исправительно-трудовых лагерей [29]. Спецконтингент ГУЛАГа использовался на многих предприятиях Восточно-Сибирского региона как дешевая рабочая сила.

Сезонной формой привлечения граждан для работы в лесной отрасли промышленности являлось использование сельского населения на лесозаготовках в порядке трудовой и гужевой повинности. Данная разновидность принудительного труда не стала изобретением военного времени, она использовалась и ранее, в мирные годы. Так, 17 января 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное Постановление «О введении трудовой и гужевой повинности на лесозаготовках Наркомлеса СССР в первом квартале 1941 г.». Однако в конце 1941 г. потребности экономики в деловой, специальной и обычной древесине, в связи с требованиями военного времени, многократно возросли, поэтому советское правительство вынуждено было прибегнуть к уже апробированной форме организации производственных отношений.

Решение проблемы обеспечения промышленности и фронта древесиной приобретало актуальность и для местных органов власти Восточной Сибири. Так, 18 ноября 1941 г. состоялось объединенное заседание исполнительного и партийного комитетов Иркутской области, на котором было принято постановление «О введении платной трудовой и гужевой повинности на лесозаготовках трестов «Востсиблес», «Иркуттранслес», «Обллесзаг» в зимний период 1941-1942 гг.». В соответствии с этим документом с 25 ноября 1941 г. по 1 апреля 1942 г. была введена платная трудгужповинность на лесозаготовках, утверждались объемы производственных заданий, определялось количество привлекаемой рабочей силы. Райкомы ВКП(б) и райисполкомы обязывались совместно с лесозаготовительными пред-

приятиями в течение двух дней распределить и довести производственные задания до сельского населения и своевременно организовать его выход на лесозаготовки. За уклонение от работы и невыполнение производственных планов виновные привлекались к уголовной ответственности.

В целях эффективного освоения технологического процесса на рабочих местах создавались постоянные бригады лесорубов и возчиков, при этом исключалась всякая замена их другими лицами. Сельские жители, ранее работавшие на лесозаготовках добровольно, по договорам, с 25 ноября 1941 г. объявлялись мобилизованными для трудгужповинности и оставались до особых распоряжений. Всем привлеченным на лесозаготовки выплачивалась заработная плата, как основная, так и прогрессивная, с начислением премий-надбавок в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 г. Всех колхозников, убывающих на лесозаготовки, колхозы обеспечивали необходимым количеством продовольствия и фуража. Начальники мехлесопунктов и директора леспромхозов, райлесзагов ежедневно предоставляли в исполнительный комитет области информацию (сводку) о ходе выполнения производственных заданий. От лесозаготовок освобождались рабочие и служащие государственных предприятий и учреждений, а также лица, не достигшие 18-летнего возраста, мужчины старше 60 лет и женщины, которым исполнилось 50 лет [30].

13 февраля 1942 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «О мобилизации на период военного времени незанятого и трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», согласно которому во всех городах Восточной Сибири был проведен учет населения. Например, только в Красноярске было выявлено 14510 человек, подлежащих мобилизации. В течение 1942 г. согласно Постановлениям СНК СССР и ГКО было мобилизовано на 15 промышленных объектов

1750 человек. В феврале 1943 г. был проведен повторный учет населения, в результате чего выявлено еще 4376 человек, подлежащих мобилизации, из которых 2642 были направлены на промышленные предприятия города, а 1440 – в лесную и рыбную отрасли. К июню 1943 г. в Красноярске незанятого трудоспособного населения оставалось около 300 человек, которые не были привлечены к работе по состоянию здоровья. Мобилизационный процесс выявления и привлечения незанятого населения к трудовой деятельности применялся и в последующие военные годы [31].

Таким образом, задача обеспечения предприятий трудовыми ресурсами в период военной перестройки промышленности приобрела особую актуальность. Великая Отечественная война оторвала от мирного труда огромные массы трудоспособного населения. Опытные кадровые рабочие, служащие, инженеры, техники были вынуждены уйти в действующую армию. Образовался дефицит квалифицированных промышленных кадров. Советское руководство принимало кардинальные меры по его устранению, для чего изыскивались дополнительные источники комплектования рабочих кадров. Такими источниками являлись сельское население, жители городов и рабочих поселков, граждане, не занятые общественно-полезным трудом (женщины, молодежь, пенсионеры), учащиеся школ и училищ трудовых резервов, инвалиды войны, эвакуированное население, прибывшие по оргнабору, в порядке мобилизации из других краев и областей.

Литература

1. История второй мировой войны 1939-1945 гг. в 12 т. М., 1975. Т.4. С. 144.
2. Отчет Красноярского крайкома ВКП(б) о ходе мобилизации // Гос. архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Документы Красноярского крайкома КПСС. Оп. 13. Д. 515. Л. 50.
3. Кузнецов И.И. Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: моногр. Иркутск, 1974. С. 111.
4. Отчет Читинского обкома ВКП(б) о ходе мобилизации военнообязанных // ГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 8. Д. 250. Л. 59.
5. Справка Красноярского городского комитета ВКП(б) о нехватке рабочей силы на предприятиях города // ГАКК. Ф. П 17. Документы Красноярского городского комитета ВКП(б). Оп. 1. Д. 648. Л. 5.
6. Доклад о сокращении численности рабочих в 1942 г. // Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 218. Материалы Совета министров БМ АССР. Оп. 2. Д. 176. ЛЛ. 53-54.
7. Пузевич Н.И. Военная перестройка промышленности Восточной Сибири (1939-1943 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Братск, 2004. С. 218-219.
8. Справка Иркутского обкома ВКП(б) о составе производственно-промышленного персонала на предприятиях области // ГАНИИО (Гос. арх. новейшей истории Иркут. обл.) Ф. 127. Документы Иркутского обкома ВКП (б). Оп. 17. Д. 224. Л. 24; Оп. 1. Д. 716. ЛЛ. 8-12.
9. Сводка промышленного отдела Читинского обкома ВКП(б) о подготовке рабочих кадров взамен убитых на фронт // Гос. архив Забайкальского края: ГАЗК. Ф. П-3. Документы Читинского обкома КПСС. Оп. 10. Д. 26. Л. 34.
10. Донесение Иркутского обкома ВКП(б) по обеспеченности рабочей силой предприятий треста «Востсибуголь» в 1942 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 17. Д. 314. Л. 38.
11. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 2 июля.
12. Гильманов З.И. Об источниках пополнения рабочей силы в промышленности: моногр. Казань, 1957. С. 157.
13. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам (1917-1957). М.: Советская энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. Т. 2. С. 722-723.

14. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны: моногр. М., 1977. С. 342.
15. Сводная справка Иркутского обкома ВКП(б) о мобилизации в Красную армию военнообязанного населения в 1943 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 3. Д. 19. Л. 24.
16. Справка Иркутского обкома ВКП(б) о размещении мобилизованных, прибывших в Черембасс из Казахстана и Узбекистана в 1942 г. // Там же. Ф. 127. Оп. 18. Д. 346. Л. 29.
17. Кузнецов И.И. Указ. соч. С. 116-117.
18. Доклад промышленного отдела республиканского партийного органа Бурятии об удельном весе женщин в металлообрабатывающей отрасли // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 159. Л. 15.
19. Докладная записка об использовании женщин в золотодобыче по тресту «Лензолото» // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 17. Д. 337. Л. 108.
20. Справка Читинского обкома ВКП(б) о вовлечении женщин в производство // ГАЗК (Гос. арх. Забайкальского края). Ф. П-3. Оп. 10. Д. 11. Л. 5; Ф-П-3. Оп. 21. Д. 283. Л. 8.
21. Отчет Читинского обкома ВКП(б) о применении женского труда в золотодобыче по трестам «Балейзолото» и «Забзолото» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 159. Л. 15.
22. Сводный отчет Иркутского обкома ВКП(б) о повышении удельного веса женщин в слюдяной промышленности по состоянию на 1 октября 1941 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 17. Д. 337. Л. 108.
23. Докладная записка об использовании женщин на предприятиях треста «Читалес» // ГАЗК. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 11. Л. 3.
24. Сводка об удельном весе женского труда на предприятиях Восточной Сибири в 1943 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 18. Д. 210. Л. 10.
25. Кузнецов И.И. Указ. соч. С. 237.
26. Сенявский С.Л., Хлусов М.И. Индустриальные кадры в СССР в 1946-1955 гг. // Вопр. истории. 1965. № 10. С. 30.
27. Кузнецов И.И. Указ. соч. С. 236.
28. Пузевич Н.И. Указ. соч. С. 235-240.
29. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923-1960: Справочник / сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина; О-во «Мемориал». М., 1998. С. 476.
30. Кузнецов И.И. Указ. соч. С. 125-127.
31. Пузевич Н.И. Указ. соч. С. 246-250.

УДК 94(571). 65-05

МЕСТО КАДРОВ УПРАВЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ (на примере промышленности Приангарья в 1960-1991 гг.)

С.Б. Сутурин*, канд. ист. наук
Усть-Илимский ф-л СФУ, Усть-Илимск
Г.С. Сутурин, аспирант
СФУ, Красноярск

В статье рассматриваются вопросы кадровой политики по отношению к хозяйственным руководителям, усиления их авторитета и ответственности; выявляются критерии в подборе кадров управления в советский период; анализируются формы работы с руководителями разных уровней и звеньев в индустриальном секторе Приангарья и с резервом на выдвижение в управленческие структуры.

* - автор, с которым следует вести переписку